

Уведённый служанками, Ань Лань тут же был усажен за учёбу. Он не только не сопротивлялся, но и проявил огромное усердие, ведь только овладев языком, можно было по-настоящему общаться.

Вот только человеческий язык оказался невероятно сложным. Почему солнце называют не только «солнцем», но и «светилом»? Почему слово, означающее «длину», используется и для обозначения «роста»?

Ань Лань чуть не сгрыз все ногти.

К счастью, у него была превосходная память. Даже не понимая, он мог заучивать наизусть, что несколько успокаивало двух служанок, на которых лежала столь тяжкая ответственность.

Обед принесли в комнату. Увидев, что его снова собираются кормить с рук, юноша замахал руками, с трудом выговаривая:

— Не... не... я... сам...

Служанки, сдерживая смех, смотрели на него с умилением.

В конце концов, он отстоял своё право есть самостоятельно. Устроив на столе полный беспорядок, он наконец-то освоил премудрости владения этими «палочками».

Счастливый, он опустошил все тарелки и, если бы служанки его не остановили, собрал бы и то, что упало на стол.

После обеда снова была учёба. Приказ Гун Цзю висел над головами женщин дамокловым мечом, и они, не смея расслабляться, пытались влить в голову Ань Ланя все знания разом.

— Устал...

Ань Лань уткнулся лбом в стол, не в силах больше воспринимать иероглифы. Хоть он и горел желанием свободно общаться с людьми, целый день сидения за столом его совершенно вымотал.

Он с тоской посмотрел в окно, его глаза были полны жажды свободы.

Служанки переглянулись. Понимая, что спешка может всё испортить, и не желая давить на него слишком сильно, они убрали книги и отпустили его погулять.

Ань Лань, словно сорвавшаяся с крючка рыба, устремился к морю.

Раз уж Гун Цзю снова угостил его вкусной едой, он хотел отплатить ему тем же.

Плакать ему больше не хотелось, поэтому он решил отправиться на охоту, чтобы обменять еду на еду.

Солнце уже миновало зенит, его лучи стали мягче. Влажный морской ветер дул в лицо, по синей глади моря бежали волны. Белые чайки время от времени скользили над водой, выхватывая серебристых рыбёшек.

С громким всплеском из воды вылетел красный осьминог и был заброшен на дальний пляж. Там он сжался в комок и зашевелился, оглушённый ударом.

Следом из волн вышел промокший до нитки человек.

Ань Лань одним движением стряхнул с себя воду, мгновенно став сухим. Только одежда помялась, а штаны, что были под халатом, порвались, когда он превращал ноги в хвост, и он выбросил их в море.

К счастью, нижняя и верхняя одежды были достаточно длинными, чтобы не оставлять его с голыми ногами, хотя при резком движении в разрезах подола могло что-то и мелькнуть.

Но разве Ань Лань обращал на это внимание? Показать хвост — что в этом такого?

Надев обувь, он схватил осьминога за щупальце и поднял. Остальные щупальца, длиной с человеческую руку, тут же обвилились вокруг его руки, пытаясь задушить врага.

Ань Лань с лёгкостью понёс добычу вглубь острова, намереваясь угостить Гун Цзю свежатиной. Но по пути его внимание привлекла тропинка, усыпанная разноцветными цветами. Хотя в море тоже были прекрасные кораллы, всё на суше было для него в новинку.

Незаметно он подошёл к небольшому домику и остановился. В благоухание цветов вплетался слабый запах крови.

Он сделал ещё пару шагов и услышал тихие стоны, доносившиеся из дома.

Этот голос казался знакомым...

Ань Лань задумался и понял: это же голос Гун Цзю!

Любопытство взяло верх. Он осторожно подкрался ближе, и звуки стали отчётливее.

— Хорошо... ещё... сильнее... м-м-м...

Под аккомпанемент частых, резких шлепков раздавались стоны Гун Цзю.

Ань Лань ничего не понимал. Что там происходит?

Резное окно было приоткрыто, и именно оттуда доносился запах крови. Он тихонько подкрался и заглянул в щель.

Внутри, спиной к окну, стояла высокая женщина с чёрным хлыстом в руке. Хлыст со свистом рассекал воздух, и Гун Цзю катался по полу от ударов!

Ань Лань от испуга выронил осьминога.

Безупречно белые одежды Гун Цзю были в беспорядке, испачканы пылью, а всё тело покрывали кровоточащие рубцы. Он катался по полу, стеная, казалось, совершенно не в силах сопротивляться.

Глядя на его ужасные раны, Ань Лань помрачнел.

«Что это... Гун Цзю проиграл в поединке? Его сейчас убьют?»

По законам его народа, в поединок один на один нельзя было вмешиваться. Но если Гун Цзю убьют, сможет ли он и дальше есть ту вкусную еду?

Пока он колебался, осьминог, который семью щупальцами всё ещё мёртвой хваткой держался за его руку, единственным свободным щупальцем ударил по окну. И, повинаясь своему инстинкту прятаться в щелях, просунул мягкую конечность в щель и проник внутрь.

Кроме стонов и вздохов Гун Цзю, все звуки в комнате прекратились.

В следующую секунду окно разлетелось вдребезги от удара хлыста, и Ань Лань оказался на виду у тех, кто был внутри.

— Ты кто?

Холодно спросила женщина. Её ясные кошачьи глаза придавали ей одновременно холодный и соблазнительный вид, который волновал, даже когда она не улыбалась.

Ань Лань решился. Он вскарабкался в окно и встал между женщиной и лежащим на полу мужчиной, с трудом подбирая слова:

— Ты... не надо... не надо...

— Хочешь его спасти?

Женщина посмотрела на него со странным выражением.

Словарный запас Ань Ланя был ещё слишком мал, чтобы понять её. В этот момент Гун Цзю из-за его спины простонал полным боли и мольбы голосом:

— Бей меня... скорее...

«Он просит меня о помощи!»

Ань Лань задумался, затем с силой оторвал от своей руки осьминога и, держа его за щупальце, протянул женщине.

— Это... он...

Одной рукой он держал осьминога, а другой указывал на Гун Цзю, надеясь на обмен.

Женщина не взяла его, но и не нападала. Она лишь взглянула на Гун Цзю, странно улыбнулась, бросила хлыст и, развернувшись, решительно ушла.

Её внезапный уход озадачил Ань Ланя, но его внимание снова переключилось на Гун Цзю.

Тот, жалкий и страдающий, расчёсывал свои раны.

Ань Лань растерянно стоял, не зная, что делать. Может, сначала нужно обработать его раны?

Но тут произошло нечто, повергшее его в шок.

Молодой господин Цзю с покрасневшими глазами вытащил из волос нефритовую шпильку, разбил её о пол, подобрал острый осколок и принялся наносить себе новые кровавые раны.

— Ух-х...

Простонал он с удовлетворением, но в то же время с ещё большей жадой.

— Мало...

Это... У Ань Ланя глаза на лоб полезли.

«Гун Цзю что, сошёл с ума?»

Эта сцена напомнила ему детский кошмар — превращение русала в Падшего.

Для русалов все воды мира были их садом, но в этих бескрайних просторах таилось множество ужасных тайн и опасностей. Если не повезёт, можно было подвергнуться неведомому заражению, которое часто оставалось незамеченным.

Ань Лань однажды видел, как русал, вернувшийся в племя после десятилетнего отсутствия, во время карантина и обследования внезапно начал мутировать.

Сначала он в безумии калечил себя. Его кровь изменила цвет, из ран полезли бесчисленные глаза и костяные шипы. Затем он постепенно терял разум, пытаясь напасть на всё живое вокруг.

Ань Лань тут же отскочил назад. Его лицо побелело. Он с тревогой и опаской смотрел на Гун Цзю, всерьёз раздумывая, не стоит ли уничтожить эту угрозу, пока мутация не завершилась.

Но Гун Цзю ведь человек. Может, люди должны сами разбираться со своими проблемами?

Однако вскоре он заметил, что, хотя тот и продолжал калечить себя, никаких признаков мутации на его теле не было. И, кажется, его стоны и крики выражали не боль и безумие, а... радость и возбуждение?

Невероятное возбуждение. Исключительную радость.

Это было совершенно непонятно.

Ань Лань в полном замешательстве смотрел, как Гун Цзю тянется за хлыстом.

Затем он увидел, как тот подобрал брошенный женщиной хлыст, протянул его в его сторону, и его прекрасное лицо, побагровев, взмолилось:

— Прощу тебя...

<http://bllate.org/book/16011/1507206>